

Есть у Михаила Боярского мечта — сложная роль. Серий на сорок. Герой не с пистолетом должен бегать, как менты, туда-сюда, а степенно лежать. По одну руку графинчик водки, по другую — красивая женщина. Сложность роли еще и в том, что герой молчит — умно так и долго. И происходит это не где-нибудь на Мальдивах, а в поселке Грузино под Петербургом. Почему в Грузино? А там у Боярского дача.

Насажал берез, чтобы за ними прятаться

Хозяин встретил вашего корреспондента без своей знаменитой шляпы, зато в кепке. В окружении кустов, цветов и молодых стройных деревьев. Когда десяток лет назад он пришел на эти земли, они были пустыни. Все деревья посадил сам. Черемуха, жасмин, ива серебристая, гордость хозяина — декоративный клен.

— Я и берез насажал, — похвастал «Собеседнику» дачник, — они самые неприхотливые. Хотелось, чтобы все быстрее и ветвистее заросло и никто меня не видел. А главное — чтобы дома не было видно.

Тут надо уточнить: Грузино — густонаселенное, с небольшими участками место.

— Многие поступили правильно, — продолжает Боярский, — оставив на участках все природные насаждения и построив дома-временки. Так и надо. Жизнь — слишком временная штука, чтобы возводить идиотские, никому не нужные хоромы.

Мы пошли за дровами — надо было расколоть мангал. Приятно, когда во дворе потрескивает огонь. Им можно любоваться, качаясь и кружась в плетеном кресле под навесом. Кресло, между прочим, подвешено, как люлька в крестьянских до-

Какую водку? «Путинку» конечно!

мах. Боярский кружится в нем с трубкой в зубах и напускает дыма. С трубкой он хорош — особенно когда хохочет и прищуривается в затейливых клубах. Трубка заведена два месяца назад — чтобы отвыкнуть от сигарет. А сигарет выкуривалось рекордное количество — 4 пачки в день. Трубку набивает табаком «Кэпитэн блэк», мешает легкий и крепкий. Еще что-то с чем-то смешивает, но пока табакокурительные названия не усвоил и оправдывается: «Названиями снабжает меня Валька Смирнитский».

Все грядки убрал на фиг

Сидим. Заросли, красота. Лени, тени, сени. Трещат дрова. Но пассивное наслаждение рай-

кой картинкой длится недолго. Боярский срывается с кресла, надевает перчатку и бросается искать совок, чтобы идти сажать. Он очень любит цветы. Возможно, больше, чем свои деревья. Когда говорит о цветах — не говорит даже, курлычет:

— Вот они, цветулечки — красненькие, синенькие, желтенькие. Ромашечки, колокольчики... Главное, чтобы девочкам понравилось.

Девочки — жена, дочь и внучка. И сейчас по дороге на дачу хозяин прикупил разноцветную охапку рассады. Корреспонденту «Собеседника» сажать не дал: «А я чем заниматься буду?»

— По дороге что понравится, то и куплю, — объясняет вы-

Цветы любит даже больше, чем деревья

«Зачем хоромы дорожные? — рассуждает Боярский. — Достаточно деревянного дома»

бор цветочной флоры хозяин. — А продается все: колокольчики, колокола — их можно в церкви вешать, — машины, велосипеды, арбузы, фрукты, мясо, дрова, веники. Что хотите! Газ, уголь, нефть! Все продается в нашей стране!

Огородный период он миновал благополучно:

— Грядки я было сделал. Много. Под застойное настроение: мол, надо вырастить свое — на всякий случай. Сажали лук, морковь. А теперь все это продается по 3 копейки от Петербурга до Хельсинки! Поэтому я все эти грядки — фш-ш! — и убрал.

Облагородив участок десятком цветов, хозяин летит за дровами.

Раньше сам «рояли» настаивал

Он верный друг не только в роли д'Артаньяна. Он заботлив и в реальной жизни.

— Друзья обычно валяются, — улыбается Боярский, колдуя над огнем, — а я за них готовлю. Вот костер. От костра до стола 3 метра. Шашлык положил — съел. Выпил. В трех метрах — старый диван. Полежал. Еще 3 метра — машина. Прыг — сел, поехал. Но самое хорошее, что цветочки есть, травка. Ощущение, что это твое, дает ответственность. А люди пришли — им приятно.

Сюда — на огонек мангала, под сень шуршащих на ветру деревьев — любят съезжаться гости.

Мечтательная кровать а-ля Обломов

Самые частые гости — хозяева соседних участков. Рядышком обитают Юрий Рытхэу, Нина Ургант, Людмила Сенчина, Семен Альтов. Приезжает другой симпатичный народ.

— Приносят кто что: огурчик, водочку. Раньше пили спирт «Ройял», и каждый свои собственные «рояли» настаивал. Нищие были все, да и времена тяжелые. А сейчас — хочешь «хренесси», хочешь «Хенесси». Я предпочитаю водку. Конечно, «Путинку». По крайней мере, у нее открывашка смешная. Правда, не догадаешься, какая водка паленая. Я убежден — вся. Потому что у людей нет ни совести, ни ума. Но их тоже когда-нибудь отравят. А если они «напалят» очень много денег, их либо посадят, либо еще что. Так что пускай пока бегают, прыгают.

«Графинчик сюда, а то замерзну!»

Дом двухэтажный, в нем 5 небольших комнат, неширокие коридорчики. И огромная гостиная. Со второго этажа можно выйти и глянуть на нее с белого балкончика. Раньше на таких для увеселения досточтимой публики рассаживали оркестр. На этом пара-тройка выступающих поместится, но в стесненных условиях. А потому лучше с балкончика поприветствовать гостей легким взмахом руки — и уйти куда-нибудь. В кабинет или на веранду. Лучше на веранду. Там хорошо сидеть и стоять та самая мечтательная кровать под Илюшу Обломова, где надо бы снять сериал.

— Сколько хочешь сериалов! Мне скажут: «Очень сложная роль — вы должны пить водку, лежать с красивой женщиной». Я:

«Мотор! Начали! Я готов, текст знаю». И — молчать! Умно и долго. Это будет лучший сериал. Мы получим «Оскар». А снимать будем до первого снега.

На эту обломовскую кровать сваливаются после дороги друзья. Когда нет друзей, хозяин спит сам. И показывает, как именно он спит:

— Одеваю поправят, подушку под головой: «Может, тебе холодно?» А я капризничаю: «Ах, отстаньте, мне плохо. Дайте рюмку водки, иначе я замерзну. Нет, нет, не надо мне колбасы, несите огурец. А водочку похолоднее». Потом — дрынь-с. И-эх! «Ой, не уносите! Графинчик сюда поставьте, вдруг замерзну ночью». Ох, заряжаешься здесь, расслабляешься. Свежий воздух, ленивый сон. Милые друзья...

Но долго лежать он не может и несется на верхнюю террасу:

— Я здесь, как Наполеон. Мои солдаты — деревья. Весной скворцы прилетели, щебечут. Все растет, цветет — хорошо.

Подумал и добавил: — Но народу все равно многовато. Вокруг. А гости не утомляют. Я не очень представляю, как один мог бы больше часа выдерживать. Ну, цветочки посадил. Полюбовался. Но если телефон молчит, что-то не то.

Звонит телефон.

— Но он звонит! Дрова колоть, сажать цветочки — глупости все, прекрасная романтика для трудолюбивых. Дача нужна, чтобы понять, что она не нужна.

А на прощание взглянул ясными глазами:

— А красиво здесь, правда? И снял кепку.

■ Инга Земзаре.
Фото автора.
пос. Грузино.